

УДК 24-18

АБАЕВА Любовь Лубсановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МОНГОЛЬСКИМИ НАРОДАМИ БУДДИЙСКИХ ИДЕЙ И ПРАКТИК: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГИПОТЕЗА

Аннотация. В статье на примере монгольских народов рассматриваются исторические периоды распространения буддийских идей и практик, их адаптации и аккультурации монгольскими ханами. Автор затрагивает некоторые проблемы истории распространения буддизма и его адаптации монгольскими народами в контексте теории единства двух властей – светской и теократической. Автор рассматривает три общепринятых этапа принятия монголами буддизма и выдвигает гипотезу о более раннем распространении буддийской теории и практики в северной части монгольского мира.

Ключевые слова: буддийские теории и практики, монгольские народы, теократическая и светская власть, монгольские ханы и князья, тенденции проникновения буддизма, уйгурские буддийские традиции, буддийские школы

В настоящее время существуют несколько научно обоснованных версий проникновения буддийской теории и практики в монгольскую метаэтническую общность (Хамаг Монгол). Одна из версий, впрочем, достаточно распространенная, предполагает три хронологические даты: период хунну; XIII в., когда буддийские идеи привлекли элиту Великого монгольского государства (Их Монгол Улс); и XVI в., когда буддийские практики получили достаточно широкое и официальное распространение практически среди всех представителей монгольского мира. Не затрагивая хуннский период принятия буддизма протомонгольскими племенами и родами, поскольку исторических артефактов по этому периоду недостаточно, остановимся на периодах XIII и XVI вв. Необходимо также подчеркнуть, что непосредственное знакомство монгольских народов с буддизмом, по многочисленным письменным источникам, в т.ч. и по содержанию «Сокровенного сказания» («Тайная история монголов»), состоялось в период известных походов Чингисхана, когда под его юрисдикцию попадают покоренные им народы – уйгуры, тангуты, кидани, в т.ч. и хань – китайцы, уже исповедовавшие буддизм. В этот период наивысшего расцвета монгольской империи предводители родовых, племенных и военных объединений монгольского общества – ханы улусов – особо не выделяли буддийскую теорию и практику, хотя многие из них были знакомы с теми или иными школами буддизма, пришедшими из Тибета. В эпоху складывания Великой монгольской империи в традиционной картине мира монгольских народов и в их мировоззрении в основном господствовали архаичные шаманские и тэнгрианские представления и культы, доминировали чувства и понятия долга и чести. Последние отражали представления о героическом, в т.ч. и необходимость подавления врагов, подчинения и защиты слабого, установления доверительных отношений с равноправным соперником.

Как известно, при дворе Чингисхана перманентно присутствовали даос-

ские, конфуцианские, мусульманские, католические, несторианские и манихейские миссионеры, предлагавшие принять свои вероисповедные традиции как самому Чингисхану, так и его окружению. Большой популярностью в то время пользовались также шаманские религиозные практики и ритуалы. Вторая волна распространения буддизма среди монгольских народов, по первой версии, датируется XVI в. Именно тогда получившая теократическую и светскую власть и ставшая популярной в Тибете буддийская школа Гелуг начала свое триумфальное шествие по Великой степи. Время было достаточно благоприятное для теократических устремлений Тибета, т.к. в Монгольской империи уже начались междоусобные войны за власть между потомками Чингисхана. Именно этот исторический период оказался наиболее благоприятным для массового распространения буддизма среди монгольской метаэтнической общности. Широкому распространению школы Гелуг в других частях Центральной Азии, в т.ч. на ее самой северной окраине – Бурятии, способствовала поддержка монгольских ханов. Монголы заняли доминирующее положение в самом Тибете, оттеснив на задний план другие школы тибетского буддизма, а в сфере монгольской метаэтнической общности традиция Гелуг стала господствующей конфессией.

Во второй половине XVI в. самые крупные и влиятельные правители Монголии – халхасский Абатай-хан и чахарский Лигдэн-хан, а также ойратские князья – почти одновременно восприняли буддизм школы Гелуг и стали активно распространять его среди своих подданных. В последней четверти XVI в. – первой половине XVII в. традиция Гелуг быстро распространяется среди всех монгольских народов, которые входили в различные враждующие между собой государственные объединения племен и родов монголов. Большую роль в распространении буддизма традиции Гелуг сыграли также тумэтский Алтан-хан и ордосский Сэцэн-хан. В 70-х гг. XVI в. Алтан-хан (1543–1582) завоевывает Тибет, а в 1576 г. по его инициативе вблизи озера Кукунор созывается большой сейм различных родов и племен Внутренней и Внешней Монголии, на который был приглашен верховный теократический и светский глава Центрального Тибета Содном-Чжамсо, позднее провозглашенный монголами далай-ламой (монг. – лама – Океан мудрости) и объявленный верховным духовным и светским правителем Тибета. На этом сейме буддизм школы Гелуг был официально провозглашен государственной религией всех монголов [Абаева 2008: 43].

Исторически сложилось, что взаимоотношения между светскими и духовными представителями монголосферы регулировались кодексом, который именовался «двумя законами», или «двумя принципами власти». Его основная идея кодифицировала преимущественные духовные позиции буддийского лидера перед светским правителем, оставляя за светским правителем государственные политические функции. Эта доктрина сложилась еще при хане Хубилае (1260–1294): религиозный духовный лидер и светский правитель тибетской и монгольской этнических общностей довольно органично разделяли сферы своей деятельности [Бира 1964: 19]. «Провозглашение буддизма государственной религией монгольского государства вызвало большие изменения в идеологии кочевников. Хотя центр Монгольской империи располагался в Китае, официальная идеология была заимствована у древней индийской религии», – пишет монгольский академик Ш. Бира. Так, например, всемонгольский хан Хубилай был признан новыми адептами буддизма земным воплощением (перерожденцем) знаменитого Ашоки [Бира 2013: 81].

Хубилай-хан с самого раннего возраста симпатизировал теории и практике дзен-буддизма и был практически его адептом. Но, возглавив империю династии Юань, из политических соображений и имея в виду китайские корни

дзен-буддизма, он отказывается от своих воззрений, остановив свой выбор на буддийской теории и практике Тибета. Он полагал, что именно тибетская форма буддизма в силу своей этнокультурной специфики и общности с добуддийскими реалиями тибетского и монгольского этносов в социальном смысле будет понятна представителям традиционной монгольской религиозной культуры и принята ими. При этом важно, что буддизм в Тибете сочетал государство и религию. В 1260 г., решив сделать буддизм религией всей империи, Хубилай-хан объявляет об этом в своем известном «Жемчужном указе» [Жамсран 1992: 99] и приглашает пагба-ламу (Лодой Жалсан) – главу тибетской школы Сакья, наградив его титулом народного учителя. С целью лучшего продвижения идей буддизма было создано «квадратное письмо», графическую основу которого составляло тибетское слоговое письмо. И хотя в тот период буддийская культура не вышла за пределы ее адептов – монголов, живших оседлой жизнью в столице империи – Пекине, буддийские идеи и практики приобрели могущественного покровителя в лице Хубилай-хана.

После падения династии Юань доминирующая позиция буддийской школы Сакья, пропагандируемая пагба-ламой, постепенно нивелируется. Созданная им уникальная письменность – «квадратное письмо» – так и не получает широкого распространения, хотя вплоть до настоящего времени среди монголов встречаются знатоки этого письма. Чойджи-Одсэр, один из популярных народных учителей-лам, в 1307 г. отредактировал монгольскую письменность, созданную на основе уйгурской письменности, адаптировал и модернизировал ее графику и некоторые силлабические нюансы к переводам буддийских текстов с санскрита и тибетского языка [Сухбаатар 1969; Чулуунбаатар 2000; Шагдарсүрэн 2001].

В 1479 г. во времена феодальной раздробленности ханский престол занимает Бату-Мункэ (1460–1543), известный под именем Даян-хана. К 1488 г. Даян-хан подчинил своей власти большую часть владетельных князей страны. Даян-хан, перенесший свою ставку в Ордос (к 1500 г.), прочно удерживая в своих руках власть над Монголией, часто выступает в роли организатора крупных вооруженных нападений на Китай, возвращаясь оттуда с добычей, обогащавшей хана и других феодалов. Экономическая зависимость монгольских народов от минского Китая в сфере внешних и внутренних рынков, отсутствие крупных центров ремесла и торговли «препятствовали образованию общественных сил, могущих составить опору в борьбе за преодоление феодальной раздробленности и создание централизованного государства. Серьезным препятствием на пути объединения страны была также политика минской династии, которая прилагала все усилия к тому, чтобы не допустить объединения Монголии, сохранить ее в состоянии раздробленности и бесконечных княжеских распрей» [История Монгольской... 1954: 133–135].

Уже в тот период на территории Великой степи буддизм начал прочно ассоциироваться с традицией, становится институтом государственности, кодифицированным светской властью. В ментальности монгольских народов закрепляются представления о милосердии ко всему живому, имеющему и обладающему «амин» (с монг. – дыхание), и даже к растительности; широко развивается культ образования, или учености (монг. – *эрдэм*); знания оцениваются как высшая цель человеческого бытия. В 1588 г. Абатай-хан в долине р. Орхон, практически на месте ханской ставки в Каракоруме построил первый каменный стационарный буддийский монастырь Эрдэнэ-Цзу (правда, все еще в традиции буддийской школы Сакья). Необходимо подчеркнуть, что особенности взаимоотношений двух социально-политических сторон (светской и теократической) с адаптацией буддийских идей и практик основывались также и на добуддийских

религиозных традициях монгольских народов. Буддизм, как это ни странно, не только сделал воинственных монгольских ханов адептами буддийской теории и практики, но и способствовал концептуальному установлению теократической власти в Монголии.

Существует еще одна версия распространения буддизма среди монгольских народов, которая тесно связана с Великим шелковым путем, по которому вместе с торговцами и ремесленниками шли и буддийские миссионеры. Как известно, Великий шелковый путь, названный так немецким путешественником Фердинандом Рихтгофеном, представлял собой сеть дорог, по которым в древности и в Средневековье осуществлялись торгово-экономические связи между Востоком и Западом, между мировыми цивилизациями – ханьской (китайской) и римской. Охватив практически весь Евразийский континент, включая и нынешнюю территорию России, Кавказа, Средней и Центральной Азии, широко разветвленная сеть Великого шелкового пути (монг. – *Торгон зам*) не только разносила по территории стран и народов, включенных в торговые связи, материальные продукты производства и обмена, но и, естественно, вовлекала многие культурные феномены в свое русло, создавая тем самым уникальное поликультурное и полиэтничное единство вдоль Пути. Возникшая еще во II в. до нашей эры, эта караванная дорога, в основном обеспечивавшая торговлю шелком и различными пряными специями, вскоре разделилась на северную и южную ветви. Северная дорога шла через Турфан, пересекая Памир, в Фергану и казахские степи, а южная, минуя озеро Лобнор, по югу пустыни Такла-Макан через Яркенд и по южной части Памира вела в Бактрию, затем в Парфию, Индию, на Ближний Восток и до Средиземного моря.

В поисках лучшей доли по вектору Шелкового пути двигались и простые ремесленники, а также представители различных этнических групп – представители как кочевой культуры, так и земледельческой цивилизации. Но что особенно важно и актуально в нашем исследовании, вместе с этой огромной массой людского потока – как с Востока на Запад, так и по кросс-караванным путям, соединявшим основные нити Шелкового пути, – шли буддийские миссионеры. По сведениям многих источников на языках этнических культур, существовавших вдоль Великого шелкового пути (арабском, персидском, хотанском, хинди, китайском, согдийском, узбекском, таджикском, киргизском, уйгурском, в т.ч. и на письменном монгольском), на современных территориях бывшей Средней и Центральной Азии, Индии, Афганистана и Пакистана до проникновения исламской культуры (VII–IX вв. н.э.) процветала буддийская культура, привнесенная буддийскими пилигримами. О существовании буддийской культуры в этих странах свидетельствуют многочисленные буддийские памятники, найденные в результате археологических раскопок исследователями многих стран. Наша гипотеза, примыкающая к этой версии, состоит в том, что, возможно, с буддийской культурой многие монгольские народы были знакомы через интеркультурные и кросс-культурные контакты и связи с религиозной культурой уйгуров, которые уже в VIII в. н.э. считались адептами буддизма. Уйгуры исторически являются насельниками Таримской долины, ограниченной горными системами Тянь-Шань и Каракорум, Джунгарии, долины реки Или, районов, примыкающих к Иртышу и оз. Балхаш, Южной Сибири, долин Селенги, Орхона, Толы, Керулена и севера современных провинций Китая Шаньси и Шэнси [Алмас 2008: 10–17]. В современной административной структуре КНР существует Синьцзян-Уйгурский автономный район, основная масса насельников которого являются адептами ислама. Но мы имеем в виду уйгуров, бывших уже в VIII в. последователями буддизма. Дело в том, что некоторые буддий-

ские источники на монгольский язык впервые переводились именно с уйгурского, а не с тибетского языка, как утверждают многие исследователи. На наш взгляд, именно уйгурский вариант буддийской теории и практики был в свое время знаком некоторой части монгольских народов, особенно северному его ареалу. Общеизвестно, что «Лотосовая сутра» была переведена (на основе санскрита и тибетского языка) на письменный монгольский уже в XIV в. Однако по двум фрагментарным данным, найденным при известных турфанских раскопках, было зафиксировано, что эти два фрагмента «Лотосовой сутры» изначально представляли собой именно уйгурский вариант письма. Как утверждает профессор Хигути Коити, «Лотосовая сутра» является и в переводческой, и комментаторской интерпретации независимой от тибетской версии [Higuchi 2014: 5-6].

Собственный политический и историко-культурный опыт в контексте конфессиональных традиций и их эволюции, приобретенный монгольскими народами на протяжении их существования, является, на наш взгляд, основным источником и катализатором их исторического развития. Монгольские народы в разные исторические периоды прошли достаточно долгий путь самостоятельного государственного развития. Политические традиции монгольских народов, кодифицированные в эпоху Чингисхана и санкционировавшие деятельность элиты буддийского духовенства в качестве теократических лидеров, возникали и развивались на основе традиционного образа жизни кочевников, их мировоззрения, бытового уклада. Стремясь освоить этноконфессиональные параллели культур сопредельных территорий, в т.ч. и теократического Тибета, монгольская метаэтническая общность все же старалась внедрять инновационные феномены таким образом, чтобы они составляли гармоническое единство с их собственными историко-культурными и религиозными представлениями и достижениями. В результате на определенном этапе этнокультурной истории монгольских народов в структуре буддийской теории и практики фиксируются два вектора социокультурной адаптации буддийской культуры – собственно монастырская (монашеская – с полным набором классических знаний буддийского канона) и народная форма – с набором наиболее популярных представлений о буддизме и его ритуальных практиках, закрепившихся в ментальности большинства представителей монголов-мирян. Все это никоим образом не умаляет и не дискредитирует народную форму буддизма. Данный феномен присущ всем мировым формам религии – и христианству, и исламу. Здесь важно то, что буддийская культура в этнокультурной истории монгольских народов выступила как феномен социальной консолидации, регуляции, мотивации и как своего рода маркер их повседневной деятельности в системе жизнеобеспечения, став универсальным источником морали, нравственности, этических и эстетических ориентиров.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии».

Список литературы

- Абаева Л.Л. 2008. История формирования этноконфессиональной ситуации в Бурятии. – *Религия в истории и культуре монголоязычных народов России*. М.: Восточная литература. С. 37-57 с.
- Алмас Т. 2008. *Уйгуры*. 2-е изд. Алматы: ИД «Мир». 510 с.

- Бира Ш. 1964. *О «Золотой книге» Дамдина*. Улан-Батор. Изд-во АН МНР. 153 с.
- Бира Ш. 2013. *Актуальные вопросы исследования истории Монгольского государства*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 99 с.
- История Монгольской Народной Республики*. 1954. М.: Изд-во АН СССР. 422 с.
- Чулуунбаатар Л. 2000. *Письменность монгольских народов и ее культурно-историческое значение*: автореф. дис. ...к.и.н. Улан-Удэ. 26 с.
- Higuchi K. 2014. How Were Mongolian Versions of the Lotus Sutra Translated, Compiled and Transmitted? Through examination of the Turfan fragments. – *Materials of the Permanent International Conference of Altaic Studies*. Vladivostok. P. 4-6.
- Жамсран Л. 1992. *Монголын тухийн дээж бичиг*. Улаанбаатар.
- Сухбаатар Г. 1969. *Киданы эртний бичгийн тухай* [Известия о раннем письме у киданей]. Монголын судлаа. С. 213-217.
- Шагдарсүрэн Ц. 2001. *Монголчуудын усэг бичигийн товчоон*. Улан-Баатар.

ABAЕVA Lyubov' Lubsanovna, Dr.Sci. (Hist.), Professor; Principal Researcher of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yarovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

CHRONOLOGICAL MILESTONES OF SOCIO-POLITICAL AND ETHNO-CULTURAL ADAPTATION BY THE MONGOLIAN PEOPLE OF THE BUDDHIST IDEAS AND PRACTICING: AN ALTERNATIVE HYPOTHESIS

Abstract. On the material of Mongolian peoples, the article considers the historical periods of distribution of the Buddhist ideas and practicing, their adaptation and acculturation by the Mongolian khans. The author touches upon some problems of the history of the spread of Buddhism and its adaptation by the Mongolian people in the context of the theory of unity of two authorities – secular and theocratic ones. The author presents three standard stages of Mongolian adoption of Buddhism, and advances a hypothesis about the earlier dissemination of the Buddhist theory and practice in the northern part of the Mongolian world.

Keywords: Buddhist theories and practicing, Mongolian peoples, theocratic and secular powers, Mongolian khans and princes, tendencies of development and penetration of Buddhism, Uighur Buddhist traditions, Buddhist schools